



АЛЕКСАНДР ИВЧЕНКО

ПОИГРАЕМ

В ЛАДУШКИ?

12+

Александр Ивченко

Поиграем в ладушки?

«Автор»

2013

Ивченко А. А.

Поиграем в ладушки? / А. А. Ивченко — «Автор», 2013

Где пролегает граница между сказкой и реальностью, верностью и предательством, детством и взрослой жизнью? Первокурснице Ладе пока сложно отличить детские фантазии от прозаичной реальности: ей нужно умыкнуть слона из королевских Слонюшен, отвоевать у демона Адрамеллеха молодильные бананы, но при этом не вылететь из Университета и попросту выжить в жестоком мегаполисе. Возможно, странные символы, намалеванные на ограде городского парка - это не хулиганское граффити, а ключ к разгадке всех тайн. Если хочешь проверить - поиграем в ладушки? Дизайн обложки А. Столяров, фото из архива А. Ивченко.

© Ивченко А. А., 2013

© Автор, 2013

Александр Ивченко

Поиграем в ладушки?

Глава 1

Утро

Снежинка по имени Ладушка

Умыкнуть слона из Королевских слонюшен очень непросто. Особенно, если слон с характером, и характер этот – сложный.

Арчибальд, королевский слон, подарок дружественного африканского монарха, в глубине души был жизнерадостным, чуть застенчивым и любил играть в прятки. Но поиграть во владеньях короля Артура Федоровича ему было негде и не с кем. Ведь Почти Волшебное Королевство – это далеко не Африка. И в том смысле, что до Африки оттуда очень далеко, и в том, что лето здесь короткое и не жаркое, а зима – снежная.

Начиная с сентября, вместо того, чтобы вышагивать церемониальным притопом на королевских парадах и торжественно позвякивать бубенцами в ушах, Арчибальд прятался в слонюшне. Заботливый королевский слонюх укутывал его в шестнадцать одеял-дюрханов, сшитых из козьих шкур. Но, даже несмотря на такую заботу, периодически слон подхватывал насморк (что, между прочим, для обладателя хобота – настоящая трагедия). Со временем у Арчибальда развилась скверная привычка по любому поводу падать на спину, дрыгать ногами и капризно трубить.

Король Артур Федорович был, в сущности, очень хороший король. Быть может, он не ходил в дальние походы и не открывал новых земель, но зато он много гулял пешком и отлично открывал банки с консервированными абрикосами. Он не сердился на своего слона. Наоборот – особым указом, скрепленным Большой печатью, Артур Федорович повелел высадить в королевском саду аллею помидорлоковых деревьев (помидорлоки – гибрид помидоров и яблок – любимое лакомство королевских слонов, как известно). Арчибальд ел помидорлоки с аппетитом, но исправляться не спешил.

Арчибальд скучал и тосковал. Ему не нравилось быть Королевским слоном в Почти Волшебном Королевстве. Даже несмотря на торжественные марши и парадные бубенцы. Он с легкостью променял бы все почести, которые причитались ему по регламенту, на возможность порезвиться в саванне и хотя бы раз спрятаться за ствол баобаба. Если уж быть откровенным до конца, Арчибальд мечтал научиться кувыркаться через голову. Но в Почти Волшебном Королевстве об этом и речи быть не могло. Даже если не думать о возможных разрушениях – кувыркнуться на глазах у королевских слонюхов? Нет, нет и еще раз нет!

Но кто в состоянии разглядеть, что творится под толстой слоновьей шкурой? Обыватель замечает в слоне в первую очередь чрезвычайный рост, а также не менее чрезвычайные уши и чрезвычайный нос. Замечать у слонов глаза как-то не принято. Классики мировой литературы не называют взгляд слона ни красноречивым, ни выразительным, ни загадочным. И современные литераторы не называют.

А вот Ночной Шутник понял слоновью душу до тонкостей. Летом – во время королевского парада. Он заглянул Арчибальду в глаза и прочел нерассказанную повесть о горячей саванне, необъятных баобабах и надоевшем насморке. Ночной Шутник понял – Арчибальду нужно бежать. Осталось лишь дожидаться подходящего случая. Но случай все никак не подходил...

Наступил сентябрь. Осень подкрадывалась к Королевству на мягких кошачьих лапах. Она пряталась в кронах деревьев и выглядывала из зелени листвы желтыми глазами. В королевских садах до отказа налились соком алые помидорлоки.

В этом году урожай был так хорош, что Артур Федорович охотно делился им с друзьями и соседями. В королевском порту каравелла «Колибри» приняла в свои необъятные трюмы четыре с половиной тонны помидорлоков. Груз предназначался дружественному африканскому монарху. Отход судна был назначен на утро. О большей удаче сложно было и помыслить. Оставалось лишь незаметно протащить слона в трюм.

И все-таки слон – не самое незаметное животное. Особенно капризный слон. Ночной Шутник знал это, и потому продумал свой план до мелочей. Первый делом нужно было пробраться в Королевский сад и запастись помидорлоками. Дело в том, что еще в пятницу слон затосковал. Он вспомнил о том, что на его родине наступил месяц кокосень – пора сбора кокосов – закапризничал и вот уже четвертый день не выходил из слонюшни. Если чем и можно было выманить Арчибальда во двор, так это помидорлоками.

Особых трудностей на первом этапе не предвиделось. Королевские сады охранял сторож Амелка – невысокий, очень смуглый, будто бы высушенный солнцем, старичок. Одевался он в выцветший восточный халат и тюбетейку. Днем Амелка любил сидеть на крыльце своей маленькой сторожки, подставляя солнцу коричневые ладони. Он курил трубку, набитую каким-то заморским ароматным табаком, и рассказывал любому гостю о том, как он когда-то был ассирийским царем. Амелку слушали редко, а если слушали, то не верили. Но старик не обижался и в отсутствие слушателей рассказывал знакомую историю сам себе. Как только солнце закатывалось за деревья, Амелкино благодушие как по волшебству сменялось непонятной тревогой. Он суетливо рассовывал по карманам трубку, кисет с ароматным табаком, и с наступлением темноты прятался в сторожку до рассвета.

Ночной Шутник ловко перепрыгнул ограду королевского сада и прислушался. Ничего... Теплый ветерок шевелил листья, но где-то у корней деревьев уже притаилась сентябрьская прохлада. Вор протянул руку и начал быстро обрывать спелые помидорлоки. Когда рюкзак был почти полон, Ночной Шутник вдруг присел и затаился. Нет, вокруг все было по-прежнему спокойно, но чутье опытного сорвиголовы не могло подвести. Именно оно позволяло Ночному Шутнику ловко вытворять свои проделки, не попадаясь никому на глаза, и уходить безнаказанным.

Черное небо подмигивало звездами. Сад дышал темнотой и спокойствием. Тем не менее, Ночной Шутник готов был поклясться, что за ним кто-то наблюдает. Не Амелка и не желтоглазые совы, которые любили гнездиться в дуплах старых королевских дубов. Взгляд словно шел отовсюду, и одновременно – вор был уверен – на него не смотрел никто. Ночной Шутник зябко поежился, стяхивая наваждение. Нужно было спешить – для того, чтобы слон оказался на «Колибри», предстояло еще немало потрудиться.

Ворота в город были небрежно прикрыты – одна створка чуть покачивалась от ветра и тонко поскрипывала петлей. Сразу же за воротами во дворе, лениво развалившись на кованной скамейке, курила папиросу плечистая привратница Гуля. Ее широкое лицо имело слегка фиолетовый оттенок. Оно не было злым. Но и добрым – не было. На голове Гули красовался берет-мурзилка. На другом краю скамейки примостилась привратница Фая. Сопя от натуги, она пыталась вытянуть пробку из бутылки, оплетенной лозой. Бутылку при этом Фая старалась спрятать в складках плаща, высунув на свет лишь горлышко. Фаино лицо скрывал цветастый платок. Наружу торчал лишь острый крючковатый нос малинового оттенка. Неподалеку тускло поблескивали под светом звезд остро отточенные алебарды, которые привратницы прислонили к стене.

Впрочем, алебарды Гуле и Фае пригодились разве что в дни королевских смотров. Гораздо чаще они пользовались метлами. На стражу привратницы заступали поздним вечером,

когда жители королевства переставали сновать по булыжной мостовой перед городскими воротами. В этот час Гуля и Фая брали в руки метлы и ловкими круговыми движениями подметали дворцовую площадь. Но не чистота их заботила – на самом деле привратницы наводили на площади колдовские круги. Стоило горожанину, поселянину, гостю или завоевателю ступить в круг, петля затягивалась – с этой секунды пойманный уже не мог выбраться самостоятельно. Свободу несчастный мог обрести лишь с дозволения привратниц, но для этого иногда приходилось всерьез попотеть: рассказывать скучающим стражницам занимательные истории и анекдоты, плясать краковяк и всячески потешать, пока они не расхохочутся. Или же откупаться. Не деньгами, конечно, а магическим договором, по которому жертва обещала исполнить какую-нибудь прихоть Фаи и Гули. Лишь подкованные башмаки старика, отмеряющего время в Почти Волшебном Королевстве, могли беспрепятственно шагать по магическим кругам.

Рано утром перед началом рабочего дня стражницы снова подметали площадь – на этот раз, снимая колдовские круги. Вообще такой способ ночной охраны был государственной тайной. Именно поэтому о нем знали все жители королевства и все его постоянные гости. Как следствие, работы по ночам у Гули и Фаи было немного. А если какой-нибудь забывчивый шалопай и попадался в магический круг, прихоти стражниц не отличались разнообразием. То заставят играть всю ночь в подкидного дурака краплеными картами, то отправят в ночную харчевню за вином и папиросами.

Естественно, Ночной Шутник, как и любой житель Почти Волшебного королевства, знал государственную тайну, и через ворота идти не собирался. Тем более, что у него были дела на городской стене. Ловко цепляясь за камни кладки, он добрался до бойниц и осторожно взглянул налево – вдоль гребня стены. То, что он увидел, заставило его самодовольно улыбнуться. Все шло по намеченному плану: Корогуша поймалась в ловушку.

Корогушей звали черную кошку, которая жила у привратниц. В отличие от своих хозяек, Корогуша была мудра и изобретательна. В нужный миг она умела появляться, словно из ниоткуда, и точно знала момент, когда нужно исчезнуть. Изловить такую хитрюгу традиционными способами было, пожалуй, невозможно. А потому Ночному Шутнику пришлось использовать Универсальную Кошеловку.

Кошки любят много чего. Ловить мышей, есть рыбу, гулять по заборам. Еще они любят спать или точить когти о диван. Но все это не так важно, потому что больше всего на свете кошкам нравятся они сами. На этом принципе и работает Универсальная Кошеловка. Для ее изготовления необходимо взять забор (ну, или городскую стену), два зеркала и рыбу. Забор нужно оставить там, где он стоит. Уносить его с привычного для кошки места не рекомендуется – это тяжело и бессмысленно. Зеркала требуется установить на заборе – друг напротив друга на небольшом удалении. Между ними в качестве приманки следует положить рыбу. Конечно, вместо рыбы можно использовать мышь. Но это нежелательно, потому что мышь, скорее всего, убежит, не дождавшись кошку.

Дальше все просто. Кошка подходит к забору с целью прогуляться, и видит рыбу. Она приятно удивлена и, конечно, прыгает вверх. С этого момента кошку можно считать почти что пойманной. Ведь, очутившись на заборе, она обнаруживает зеркало. Закусывая рыбкой, кошка бросает на себя то восхищенные, то высокомерные взоры. Потом она тщательно вылизывает лапки и шерстку, безразлично покачивая кончиком хвоста. Кажется, ничто на свете, кроме этого занятия, ее больше не интересует. Но на самом деле кошка краем глаза следит за своим отражением в зеркале и с королевским величием принимает те комплименты, которые сама же себе расточает. Если же вдруг случится так, что кошка себе надоест (такое тоже бывает, хоть и крайне редко), она разворачивается, чтобы уйти. Но тут западня захлопывается – ведь кошка оказывается перед вторым зеркалом! Удержаться от соблазна разглядеть себя с этой стороны она, поверьте, не сможет, и все начнется сызнова. Горе, если вовремя не забрать пойманную

кошку из Универсальной кошеловки! Закружившись между зеркалами, она может заработать нешуточную мигрень!

Ночной Шутник подоспел вовремя. Корогуша настолько разомлела в приятном обществе себя самой, что даже не мяукнула, оказавшись за пазухой хитроумного охотника.

Балансируя, как циркач на проволоке, Ночной Шутник черной тенью проскользил по городской стене до окна башни, забранного тяжелой решеткой. Ухватившись за прутья, он подтянулся и заглянул внутрь. За окном была обычная научно-колдовская лаборатория – с колбами, ретортами, чугунным котлом, перегонным кубом, микроскопом и связками сушеных мышей, прикрепленных под потолком за хвостики. Посредине комнаты, подвешенный в воздухе, мерцал голубым светом магический хрустальный шар – Зеркало Королевства. Перед ним на вязаном коврик лежали две кудлатые круглобокие собачонки – Рома и Римма. Их хозяйка, Софья Антоновна, заслуженная колдунья на пенсии, в соседней спальне досматривала шестой сон и готовилась увидеть седьмой. Рома и Римма тем временем без особого интереса рассматривали то, что показывал им шар – виды спящего королевства, и тихонько переругивались.

Вообще Софья Антоновна не была хозяйкой собак в полном смысле этого слова. Как, впрочем, Рома и Римма были не совсем собаками. Когда-то пару веков назад, когда сказочности на свете было много больше, а колдунья Софья Антоновна была малость моложе, принц одной далекой державы по имени Рома объявил о помолвке со знатной девицей Риммой. На торжество прибыли гости. Почти Волшебное Королевство представляла Софья Антоновна. Но вручить королевские дары она так и не смогла: как только колдунья вошла в тронный зал, толстушка Римма залилась безудержным хохотом. Ведь руки колдуньи были в разноцветных пятнах от ядовитых реактивов, полы ее белого халата были исписаны химическими формулами и алхимическими заклятиями, в седых растрепанных волосах ее застряла паутина, а на бородавчатом крючковатом носу сидела чернильная клякса. Когда Римма начала икать от смеха, Рома посуровел и грозно пролаял приказ – выкинуть старуху вон и поколотить палками. Конечно, до палок дело не дошло. Но и хорошим не кончилось. Софья Антоновна страшно рассердилась, несколько раз для острастки сверкнула ручными электрическими молниями и превратила Рому и Римму в злобных собачонок на сто лет. А в качестве свадебного «подарка» она сцепила их ошейники одним общим поводком, снять или разорвать который без помощи колдовства было нельзя.

Конечно, потом ее мучила совесть. Но заклятие было таким крепким, что отменить его не могла даже сама колдунья. От переживаний Софья Антоновна даже стала чуть-чуть рассеянной. Например, однажды она наколдовала себе вместо горсти золотых пятак целое стадо хрюкающих поросят с розовыми сопливыми пятаками. И только по прошествии сотни лет, когда срок заклатья истек, она с облегчением вздохнула.

Представьте же удивление Софьи Антоновны когда к ней заявили принц Рома и девица Римма с просьбой превратить их обратно в собак! Оказывается, за сто лет Римма больше всего на свете полюбила залиvisto лаять на всех и каждого, а Рома нашел свое призвание в том, чтобы хватать прохожих за пятки. Так же Римма требовала вернуть поводок – так, по ее словам, ей было гораздо удобнее приглядывать за Ромой, чтобы он вдруг не позволил себе чего лишнего.

Колдунья долго отговаривала их, но парочка не отставала. Наконец, волшебница сдалась. С тех пор Рома и Римма, связанные одним поводком, стали жить у Софьи Антоновны. Сначала она выводила их на прогулку, а по прошествии лет, когда колдунья заметно одряхлела, уже собаки выводили ее погулять. По ночам Рома и Римма добровольно дежурили у хрустального шара. Они не без апломба заявляли, что берегут покой королевства. На самом деле, их пре-

лыщала возможность тихонько лаяться друг с другом без лишних помех и без спросу подглядывать в разные потайные уголки королевства при помощи хрустального шара.

В эту ночь Рома и Римма лениво переругивались в привычной манере. Они, все-таки, родились людьми и получили хорошее воспитание, а потому, несмотря на столетие, проведенное в собачьем облике, ругаться умели отлично.

– Опять уснул, блохастый! Живодер по тебе плачет! Ав!!

– Я глаз прищурил, чтоб лучше видно было! Отстань, пожирательница тухлых мослов! Укушу!

– Это я?! Я пожирательница? Р-р-р-р!

– Ох, замолкни! Тут воры по стене до нашего окна доберутся, а ты за своим тявканьем и не заметишь!

Шутник ухмыльнулся. Зеркало королевства – штука хорошая, если ты внимателен и ждешь незваных гостей. Оно покажет тебе любую часть королевства по желанию. Но если ты сторожишь государство, на которое вот уже триста шестнадцать лет никто не напал, да, к тому же, ленив до крайности, разглядеть быструю тень в королевском саду или на дворцовой стене будет трудновато. А вот насчет слона нужно подстраховаться. Такую махину незаметно для Зеркала не протащишь. Обезопасить себя от всевидящего хрустального шара было третьей частью рискованного плана.

Ночной Шутник осторожно достал из-за пазухи Корогушу и ласково почесал ее за ухом.

– Будь умницей! – шепотом попросил он. Корогуша высокомерно посмотрела на него желтыми глазами.

– Не обижайся! – убедительно шепнул Шутник. – Хочешь, завтра я принесу тебе жареную курицу? Я оставлю ее у дворцовой стены. А сейчас давай спасать слона!

Корогуша шевельнула хвостом и, кажется, согласилась. Шутник приоткрыл решетку и поставил кошку на подоконник.

– Удачи! – ободряюще сказал он.

Корогуша лениво потянулась и мягко спрыгнула на замусоренный пол. Рома и Римма продолжали тихонько перелаиваться. Гостя не спеша подошла к самому коврику, на котором лежали собаки, помолчала немного и вдруг вызывающе протянула:

– Мя-а-а-ау...

Рома и Римма вскочили так стремительно, словно их подбросила за поводок невидимая рука. От возмущения Рома поначалу даже задохнулся, но Римма не растерялась и залилась звонким лаем. Корогуша в один прыжок оказалась у открытой двери. Здесь она обернулась и снова мяукнула – словно приглашая собак к погоне. По мнению Ромы и Риммы это было уже через край. Кладя зубами, они кинулись вслед за Корогушей, и исчезли за дверью.

– Молодец, Корогуша! – тихо воскликнул Ночной Шутник. Он распахнул решетку и вскочил в окно. Опустевшую комнату заливал голубоватым светом хрустальный шар. Кинув на него быстрый взгляд, незваный гость увидел черную точку и два белых пятна – Корогуша уводила собак в сторону Базарной улицы. Не теряя времени, он отработанным движением отстегнул клапаны боковых карманов на штанах и вынул баллончики с краской. Желтый аэрозоль в одной руке, черный – в другой. Раздалось негромкое шипение, и хрустальный шар начал покрываться краской. Несколько секунд, и посреди комнаты вместо Зеркала королевства висел огромный ярко-желтый смайлик. Никто (даже самая искусная колдунья) не смог бы увидеть на его поверхности ничего, кроме беззаботной улыбки. Отступив на шаг, Ночной Шутник одно мгновение любовался на свое творение, а в следующий миг уже исчез в окне.

Оказавшись на гребне стены, он замер и прислушался. Внизу, на Трактирной улице раздалось мерное цоканье – мимо башни колдуньи Софьи Антоновны шел Старик-часы. Его башмаки, подбитые подковками (на левом – подковка поменьше, на правом – побольше) мерно

отбивали по булыжникам: тик-так, тик-так, тик-так. Ровно в полночь Старик-часы проходит мимо королевского дворца, пересекает дворцовую площадь и сворачивает на Трактирную улицу. Значит, сейчас начало первого. Нужно спешить.

Однако на Шутника вдруг на короткую секунду снова накатило неясное оцепенение: он опять отчетливо ощутил не себе чей-то внимательный взгляд. Похититель слонов даже мог сказать: этот взгляд не был ни строгим, ни осуждающим. Но он был – это точно! Через миг наваждение схлынуло...

Пробежав немного по городской стене, Ночной Шутник спрыгнул на Трактирную улицу. Оказавшись на мостовой, он вынул из рюкзака темно-синий плащ, широкополую шляпу и объемистую бутыль. Обрядиться в запоздалого гуляку было делом секунды. Теперь он нарочито громко притопнул каблуками и, пошатываясь, направился к городским воротам. Для того, чтоб у стражниц не осталось никаких сомнений, он протяжно забасил:

– Ох, вино, зелено!

Выпил бочку, видел дно!

Эх-эхха!

Как только он ступил на булыжники площади, освещенной факелами, раздался хлопок, и тут же ноги Ночного Шутника захватило невидимой петлей. Он незаметно усмехнулся и еще громче прогорланил:

– Выпил бочку и не пьян!

Наливай еще стакан!

Эх-эхха!

Затем он несколько раз притопнул каблуками о булыжники, изображая танцевальные па, хлопнул себя ладонью по коленке и качнулся вперед, словно намереваясь двинуться дальше. Но магический круг сработал безотказно.

– Что за чертовщина! – недовольно вскричал Шутник. – Неужели уже так поздно?! И посидел-то, вроде малый часок!

От дворцовых ворот к нему, довольно потирая руки, скользила шупленькая Фая. За ней, не спеша, надвигалась рослая Гуля. Их темно-зеленая форма была почти не различима в свете факелов, и потому Шутнику вдруг показалось, что от ворот к нему ползут две безобразные болотные тени. Но он не поддался страху.

– Попался! – торжествующе заявила привратница Фая.

– О! Сестрички! – обрадовано вскрикнул Шутник и громко икнул. – А я иду и думаю – с кем же мне выпить эту чудесную бутыль контрабандного рома за здоровье короля Артура Федоровича?!

– Ты тут не ета... Того... – грозно предупредила Гуля Шутника.

– Чего ты! – удивленно обернулась к напарнице Фая. – Здоровье короля – святое!

Гуля с сомнением пожала плечами.

– Ладно, – согласилась она, – так и быть. Выходи!

Она щелкнула пальцами, и магический круг лопнул с еле различимым звоном.

– Подал мне в трактире пан

Заколдованный стакан:

Что за диво – посмотри!

Был один, а стало – три!

Эх-ха, э-эхха! – загорланил Шутник и пустился в пляс.

– А ну давай вместе! Э-эхха! – весело крикнул он, и тут же шмякнулся на землю, спутанный новым заклятьем. Фая засмеялась и щелкнула пальцами. Очередной круг лопнул со звуком порванной струны. Шутник вскочил, прокрутился вокруг своей оси и проорал:

– Ну что ж вы? Эх-ха, э-эхха!

Ах, вино! Ух, вино!

Ну и сладкое оно!

Фая смеялась в голос. Гуля стояла с каменным лицом, но притопывала в такт песни ногой. Ночной Шутник плясал, падал, снова плясал – стражницы только успевали щелкать пальцами – над площадью стоял тихий звон от лопающихся магических кругов. Постепенно от дворца до ворот пролегла дорога, свободная от ловушек – достаточно широкая, чтобы провести слона. Наконец, Шутник добрался до ворот и в изнеможении упал на кованую скамейку.

– Ну, сестрички, угощайтесь! Славно повеселились! – довольно выдохнул он и выставил объемную бутылку. Дважды привратниц приглашать не пришлось. Шутник прикладывался к горлышку наравне с ними, кряхтел и утирал губы рукавом, но, само собой, ни капельки не выпил.

Бутылка еще не была опорожнена даже наполовину, а Фая счастливо икнула, прилегла на скамейку, свернулась калачиком и уснула. Гуля усмехнулась, глядя на напарницу, и сделала еще один внушительный глоток. Через минуту и она начала раскатисто храпеть. Снотворное зелье сработало безотказно.

Дело сделано! Теперь скорее к Королевским слонюшням! Шутник сбросил маскарад и быстрой тенью метнулся по дворцовой площади. Обожав дворец, он оказался во внутреннем дворе. В темноте, наискосок от каретного ангара, черной громадой высилось здание главной слонюшни. Высокие кованые ворота давно не запирались – королевский слонюх, зная непредсказуемый характер Арчибальда, оставлял их открытыми на тот случай, если слону вздумается погулять во дворе при луне.

Ночной Шутник шагнул в темноту, пахнущую свежим сеном.

– Арчибальд! – тихо позвал он. Где-то в темноте слон шумно вздохнул во весь хобот и не ответил. «Опять не в духе» – понял Шутник. Он сбросил с плеча рюкзак, расстегнул его, выбрал на ощупь самый большой помидорлок и пошел в дальний угол, откуда доносились вздохи.

Он вытянул руку вперед и коснулся щеки Арчибальда. Щека была теплой и мокрой. Слон плакал в темноте.

– Держи, друг! – ласково шепнул Ночной Шутник и дал слону помидорлок. Арчибальд капризно мотнул головой и оттолкнул руку хоботом. Но человек был настойчив, и после третьей попытки слон отправил-таки фрукт в рот.

– Слушай внимательно, дружище! – убедительно заговорил Шутник. – Я знаю. Все-все знаю! И про саванну и про насморк... В королевском порту строит каравелла «Колибри». На восходе она отходит на твою родину. Если будешь умницей и поспешишь, мы успеем спрятать тебя в трюме с помидорлоками. Еды тебе хватит на всю дорогу! Пойдем!

Он шагнул к двери, но слон остался на месте.

– Что с тобой? Ты мне не веришь?!

Слон опять шумно вздохнул. Что поделать – с той поры, как его поймали в саванне и сделали подарком дружественного монарха, он значительно поразратил доверие к людям.

– Пойдем! – продолжал уговаривать человек. Он запустил руку в рюкзак и достал еще один помидорлок. Арчибальд втянул хоботом воздух. Аромат манил... Конечно, люди – обманщики, но этот чудесный запах! Нет, это было выше всяческих сил, даже слоновьих! Арчибальд шагнул к двери и протянул хобот.

– Умница! – воскликнул Ночной Шутник и отдал фрукт. – Теперь пойдем наружу!

Он выскочил во внутренний дворик и достал еще один помидорлок. «Такими темпами хоть бы до Королевского сада дотянуть, – с тревогой подумал он, взвешивая в руке свой рюкзак, – а там можно пополнить запасы».

С частыми остановками и гораздо медленнее, чем того хотелось бы Ночному Шутнику, Арчибальд, тем не менее, прошел внутренний двор, обогнул дворец и вышел на площадь перед городскими воротами. На скамейке все также мирно похрапывали Гуля и Фая.

Когда до городских ворот оставалось лишь несколько шагов, вдалеке со стороны Базарной улицы послышалось мерное «тик-так». Старик-часы завершал ежечасный круг и готовился начать новый. «Значит, я провозился целый час! – ужаснулся Ночной Шутник. – Скорее, вон из города, пока мы не попались никому на глаза!» Он ухватил слона за хобот и властно потянул к распахнутым воротам. Арчибальд послушно шагнул.

– Умница! Умница! – приговаривал Ночной Шутник, – еще немного!

Он уже коснулся рукой холодного кольца из позеленевшей бронзы, чтобы распахнуть ворота пошире, как вдруг Гуля чихнула. Она чихнула так, словно сизый нос ее с двумя большими ноздрями был охотничьей двустолкой, которая случайно пальнула дуплетом. От неожиданности Арчибальд подскочил всеми четырьмя ногами и попятился к стене. Хлоп! Хлоп!! – сработали не обезвреженные Шутником магические круги. Задние ноги Арчибальда попались в ловушку. Слон попробовал освободиться, но против магии даже его силы было недостаточно. Он гневно затрубил.

– Тише, миленький! – воскликнул Шутник, но было поздно. Гуля заворочалась на лавке и приоткрыла глаз. Глаз мгновенно округлился – ведь в нескольких шагах от скамейки стоял огромный рассерженный слон! Тем временем Ночной Шутник был уже за спиной Гули – он подхватил с земли брошенные плащ и шляпу, в секунду надел их и гаркнул в самое ухо привратницы:

– Ох, вино, зелено!

Выпил бочку, видел дно!

Эх-эхха!

От неожиданности Гуля обернулась и открыла второй глаз.

– Хорош ром, подруга, а?! – хмельным голосом пробасил Шутник.

Привратница оторопело глянула на него, потом повернулась к слону и указала на него рукой:

– Во!

– Что, «во»? – поинтересовался Шутник.

– Во... Ета... Слон!..

– Эх-ха! Э-эхха! Хорош ром! – засмеялся Шутник. – Какой такой слон, подруга?!

– Во! – прохрипела Гуля и опять ткнула пальцем в сторону Арчибальда, который гневно сопя от натуги, пытался разорвать магические пути.

– Это все ром, ром! – успокаивающе пояснил шутник. – Контрабандный! Я, бывает, огненное колесо вижу. Но слона еще не видал! А чего он делает?

– Ета... Стоит!

– Стоит? И не уходит? А чего не уходит?

– Так он, кажись, поймался...

– Поймался?! Ну, так мой тебе совет – отпусти его, чтоб перед глазами не маячил, и давай-ка еще по глоточку за здоровье короля Артура Федоровича! Ну?

«Тик-так» раздавалось уже совсем близко. Казалось, вот-вот, и Старик-часы покажется из-за поворота Базарной улицы. Гуля, плохо соображая, посмотрела сначала на Шутника, потом перевела взгляд на слона, снова повернула голову к Шутнику и остановила глаза на бутылке. Нехотя, будто сомневаясь, привратница подняла руку и защелкала пальцами. Круги звякнули. Освободившись, Арчибальд кинулся за ворота.

– Ну, где слон? – Игриво поинтересовался Шутник, метнув незаметный встревоженный взгляд вслед Арчибальду.

– Ета... не знаю... – прохрипела Гуля. Она крепко зажмурилась и потрясла головой. Открыв глаза, она уставилась на то место, где только что был слон, и вдруг расхохоталась: там, у стены сидела Корогуша и с безразличным видом вылизывала шерстку.

– Ох-хо-хо! Ну, дела! Надо ж! Котейку за слона принять! Ух-ха-ха! – хохотала Гуля.

– Ну, вот и славно! А ты не верила, подруга! Эх, хорош ром, а?! – гаркнул Шутник и протянул Гуле бутылку. Та утерла рукавом смешливые слезы, махнула рукой, лихо ухватила горлышко и сделала несколько больших глотков. Она еще похрюкивала от смеха, когда глаза ее закрылись, и голова склонилась на грудь.

Шутник швырнул плащ и шляпу на скамейку, подмигнул Корогуше: «Спасибо!», и выскользнул в ворота ровно в ту секунду, когда из-за дворца на площадь вышел Старик-часы. Увидев спящих привратниц, он укоризненно покачал головой, неодобрительно прицокнул языком, но, так и не сбившись со своего размеренного шага, пересек площадь и свернул на Трактирную улицу. Тем не менее, на ходу он достал из нагрудного кармана блокнотик и записал в графе «Происшествия»: «1 час 4 секунды. Дворцовая площадь. Привратницы спят на посту». Лишь благодаря невероятному везению эта надпись в блокноте выглядела так, а не иначе. Выйди Старик-часы на площадь секундой раньше, в блокноте красовалось бы: «1 час 3 секунды. Неизвестный в штанах с карманами и черной толстовке с капюшоном похитил Королевского слона». Но такая уж работа у Старика, отмеряющего время в Почти Волшебном королевстве. Остановиться, свернуть с пути, задержаться хоть на миг или прийти раньше – значит лишиться свое государство времени...

Ночной Шутник догнал слона только у Королевского сада. Слон прижался к забору и дрожал всем телом – так, что кованые завитушки ограды дробно звенели. Юноша подошел к нему и ласково погладил хобот:

– Успокойся! У нас еще полно времени, а самое страшное уже позади! Нужно пройти через сад, а там неподалеку уже и порт. «Колибри» поднимает паруса на рассвете! Скоро ты будешь дома.

Понемногу Арчибальд успокоился.

– Пойдем! – позвал его Ночной Шутник. – Слева от ворот стоит сторожка. Постарайся шагать потише, чтобы не разбудить Амельку.

Вдвоем они неслышно ступили в темноту дубовой аллеи. Где-то над головой ухали совы. Ночной ветер едва слышно шуршал листвой и доносил из глубины сада тонкий аромат спелых помидорлоков. Уловив этот божественный запах, Арчибальд зашагал быстрее, потом перешел на трясцу и под конец сорвался в галоп. Ночной Шутник поначалу даже обрадовался такой прыти, но потом вдруг понял свою ошибку: увести слона из сада, где созрел небывалый урожай помидорлоков, будет просто невозможно!

Опасения подтвердились. Добежав до первого дерева помидорлоковой аллеи, Арчибальд счастливо вздохнул и начал с невероятной скоростью обрывать фрукты хоботом. Он засовывал их в рот, довольно чавкал, зажмуривал глаза и качал головой. Он думал о том, что никогда не был так счастлив с тех пор, как покинул родные берега. Другие мысли в голову ему просто не шли.

– Арчибальдик! Ну, что же ты! Пойдем! Тебе надо домой! – уговаривал слона Ночной Шутник и пытался столкнуть его с места. Но усилия были напрасны.

И тут вдруг одновременно совершилось сразу очень много событий. Поначалу со стороны городских ворот раздался невообразимый гвалт: визгливый лай, шипение и истошное мяуканье.

– Святые Властители! – отчаянно воскликнул Шутник. – Ведь я же не убрал кошеловку! Бедная Корогуша! Она опять в нее попалась!

Сразу вслед за этим на башне Софы Антоновны ударил тревожный набат. Оглушающие звуки шли тугими волнами и осязаемо чувствовались в ночном воздухе. В последний раз набат звучал триста шестнадцать лет назад, когда Зеркало королевства показало колдунье вражескую эскадру, заходящую в гавань Почти Волшебного королевства. Звуковые волны катились и катились. Но уже после первых ударов набата темноту ночи разорвал чудовищный звук: не то верещание, не то рев. Тут же со стороны Амелькиной сторожки раздался невообразимый треск

и грохот. Слон подавился помидорлоком, откашлялся и тут же тревожно затрубил. Но даже этот трубный звук в окружающей какофонии показался комариным писком. Сердце Ночного Шутника похолодело...

Стоит пояснить, что некоторое время назад Корогуша с успехом закружила и запутала своих преследователей в лабиринте переулков около Торговой площади. Для такой ловкой черной бестии эта задача была совсем несложной. Сидя на карнизе колбасной лавки, кошка некоторое время слушала, как переругиваются собаки, пытаясь выяснить, кто виноват в том, что она сбежала. Но перелай быстро ей наскучил, и Корогуша отправилась назад на дворцовую площадь. Здесь она стала свидетельницей бегства слона и Ночного Шутника, а так же удачно подменила Арчибальда перед глазами Гули. Кошачье любопытство подтолкнуло ее на городскую стену – посмотреть, куда направились беглецы. И надо ж такому случиться – очутившись на стене, Корогуша вновь попала в Универсальную кошеловку!

Рома и Римма не отличались особым умом, но зато нюх имели отменно острый. Через несколько минут они взяли верный след и оказались на Дворцовой площади. К этой поре Корогуша сидела на городской стене перед зеркалом и заморожено любовалась своим отражением. Черный хвост ее свисал со стены и едва заметно покачивался. Проявив неожиданную прыть, Рома и Римма с разбегу вскочили на лавку между спящими привратницами, перепрыгнули на кованую спинку и, сильно оттолкнувшись, сиганули на стену. Толстуха Римма преодолела чуть больше половины расстояния. А вот разозлившийся Рома умудрился пролететь дальше, клацнуть зубами и достать самый кончик Корогушиного хвоста. Кошка зашипела, истошно мяукнула, и слетела с городской стены. На привратниц упал мяукающий, лающий, царапающийся и кусающийся клубок, от которого во все стороны летела шерсть. Гуля и Фая вскочили, словно ошпаренные, и тут же над их головами ударил набат...

Еще вечером колдунья Софья Антоновна, набирая программу снов, по рассеянности поставила себе седьмым по счету «Сверх-реалистичное сновидение о свадебном пире князя Жратослава». Виды фрикасе из гавайского индюшонка, изысканной итальянской панакоты, нежнейшего французского бланманже и фирменных блинчиков кухарки Десертины так разожгли ее аппетит, что колдунья проснулась и отправилась к холодильнику немного подкрепиться. По пути Софья Антоновна заглянула в лабораторию и, обнаружив огромный смайл вместо хрустального шара, тут же ударила в набат, как то предписывал Королевский кодекс безопасности.

При первом же ударе тревожного колокола с Гулей и Фаей стали происходить ужасающие перемены. Гуля вдруг вытянулась вверх почти вдвое. За спиной ее расправились огромные кожистые крылья, руки превратились в когтистые лапы, лицо – в рогатую драконью морду. Фиолетовая кожа Гули еще потемнела и растрескалась – даже с очень близкого расстояния ее сложно было отличить от камня. Если бы это чудовище застыло на месте, оно казалось бы ужасным каменным изваянием. Но монстр стремительно двигался, будто разминаясь перед боем: левая лапа, правая лапа, злобный щелк зубами, выпад головой! Коготь-коготь-укус-рог! А на закуску – струя ледяной воды, извергнутая с огромной силой из клыкастой пасти!

Фая не выросла – казалось, наоборот, она скрючилась еще больше. Неожиданно горб на спине старухи лопнул, и из него выскочили два черных вороньих крыла. Платок на ее голове зашевелился словно живой – из-под него показался отвратительный клубок шипящих змей. В правой руке ужасной старухи невесть откуда появился кинжал, кривой, как коготь, а в левой – длиннющий кнут с металлическими крюками на конце. Старуха оскалила желтые клыки, обвела площадь мерцающими красными глазами, открыла нечистый рот и дико заверещала. Каменное чудище ответило кровожадным ревом.

– Горгулья и Фурия! – зазвучал вдруг с башни пронзительный голос старой колдуньи Софьи Антоновны. – Кто-то ослепил Зеркало королевства! Ищите врага на небе, на земле и в воде! Если вы его найдете – да смилуются над ним Небеса! Вы же не давайте врагу пощады!

Горгулья Гуля и Фурия Фая тут же взмыли в ночное небо.

– Адрамеллех! – Крикнула колдунья.

При звуках этого имени со стороны Королевского сада от рухнувшей сторожки поднялась гигантская тень, словно сотканная из черного дыма и копоти. Над городской стеной возвысился гигант с головой осла и павлиньим хвостом:

– Кто потревожил Адрамеллеха, Славного ассирийского царя, пожирателя детей и Повелителя Мух?! – пророкотал он.

– О, демон, крадущий солнечные лучи! – воскликнула колдунья, – Сдерни завесу тьмы, скрывающую врагов! Обрати ночь в день и покарай наглецов!

Адрамеллех гадко расхохотался – будто заревел осел, взмахнул своим павлиньим хвостом, поднял руку, разжал кулак, и темноту вдруг прорезал яркий луч. Мертвенно бледный свет скользнул по городской стене, прошелся по воротам Королевского сада и уперся прямо в помидорлоковую аллею.

Ночной Шутник прикрыл глаза рукой от слепящего свечения. Он повернул к Арчибальду бледное лицо.

– Похоже, это была последняя шутка, дружище... – прошептал Шутник побелевшими губами. – Прости, что не смог помочь тебе! Спрячься под деревьями и не шевелись! Я отвлеку их! В конце концов, я ведь один во всем виноват.

Незадачливый похититель повернулся, чтобы уйти, но слон ухватил его хоботом за воротник и удержал. Где-то наверху вдруг захлопали тяжелые крылья.

– Пусти! – забился Шутник, – Пусти! Я! Один! Во всем! Виноват!

Но Арчибальд лишь гневно тряхнул ушами. Несмотря на сложный характер, он умел ценить дружбу и готов был сражаться до последнего.

Воздух наполнился стрекотанием и клекотом. От городских ворот приближались тяжелые шаги. Мертвенный слепящий свет становился все ярче. И вдруг...

И вдруг пошел снег. Необычайно мягкий, настолько пушистый и ласковый, что казался теплым. Он гладил щеки Шутника и щекотал его нос. Снег поглотил жестокий луч Адрамеллеха, кромсающий ночь, и словно периной обволок страшные крылья Горгульи и Фурии. Крылья эти еще чуть слышно хлопали где-то за подвижной пеленой, но Шутник знал – снег уводит их куда-то далеко. А еще он надежно укрывает слоновьи следы, чтобы никто на свете не смог разгадать тайну побега из Королевских слонюшен.

Ночной Шутник поднял ладонь и поймал удивительно большую и красивую снежинку. За исключением размеров, это была совсем обыкновенная снежинка. Только она не таяла и совершенно непостижимым образом улыбалась Шутнику. Он оглянулся. Тысячи и тысячи снежинок танцевали в воздухе и добродушно смеялись, глядя на спасенных беглецов.

Наконец, Ночной Шутник узнал этот снег и понял, кто следил за ним всю ночь.

– Лада... – улыбнулся он. – Спасибо! Спасибо, принцесса Ладушка!!!

Арчибальд торжественно затрубил. Потом он обнял Шутника хоботом за плечи. Так, обнявшись, они и зашагали к Королевскому порту. В такой снегопад проскользнуть незамеченными в трюмы каравеллы «Колибри» будет легче легкого.

Снежинка Ладушка тихонько засмеялась:

– Как славно все получилось!

Ладушкино утро

– Как славно все получилось! – прошептала Лада и проснулась. На несколько секунд она прикрыла глаза, все еще пребывая во власти сновидения...

Как же хорошо быть полновластной хозяйкой в своем личном Почти Волшебном Королевстве! Там, где тебя все называют принцессой, но совсем не потому, что ты дочь доброго старика Артура Федоровича. Нет, ты совсем не его дочь! Просто именно сегодня тебе захотелось быть принцессой, а все жители королевства любят тебя так сильно и искренне, что всегда соглашаются с любой твоей фантазией. Хорошо, когда ты можешь изменить любой закон своего Королевства, если вдруг он покажется тебе неправильным. Ты можешь в один миг устранить любую несправедливость – для этого достаточно одного лишь желания. Хорошо, когда в твоём Королевстве так много доброты, что у него вот уже триста шестнадцать лет нет врагов. Даже злобные демоны здесь становятся смирными и кроткими, являя свою суть лишь тогда, когда государству грозит опасность. Наконец, просто здорово, что ты можешь, оставаясь невидимой, помогать отчаянным, но добрым и смешным выходкам Ночного Шутника. Ты даже можешь превратиться в теплый снег, чтобы разогнать кошмарных чудищ...

Тётёля уже встала: на кухне шипел чайник и тихо позвякивала посуда. Настенные часы показывали семь часов утра. Ладушка решительно скинула одеяло и опустила босые ноги на пол. На тумбочке у кровати лежала потрепанная монография «Мифология в вопросах и ответах: Учебное пособие для вузов».

«Надо не забыть вернуть в библиотеку» – мимоходом отметила Ладушка. Она сладко потянулась, привстав на цыпочки, обвела свои владения взглядом, и вдруг поняла, что в комнате что-то неуловимо переменилось. Утренние сумерки, будто кофе – молоком, были разбавлены каким-то необычным, тихим светом. Он лежал на овальных часах с оранжевым циферблатом, на столе, заваленном по углам книгами и тетрадями, на затейливых голубых цветочках обоев – словом, по всей комнате и будто добавлял обстановке белизны и свежести.

Ладушка на цыпочках подошла к окну и тихонько пискнула от счастливого удивления: за окном лежал пушистый снег! Первый снег в середине сентября – в разгар бабьего лета! Будто прямиком из ее сна – совершенно такой же мягкий и даже теплый на вид.

Ладушка бросила еще один восхищенный взгляд в окно и легким вьюном закружилась по комнате. Она ловко убрала постель, накинула халат, прибрала волосы, украдкой показала зеркалу язык и скользнула к ванной.

– Привет, Тётёля! Там снег выпал! – радостно крикнула она в проем кухонной двери.

– Вот я тебе покажу тётю! У тебя на пятую точку еще и град выпадет! – сердито донеслось в ответ.

– Пжасти! Пжасти, Оля! – промычала Лада уже из ванной, пытаясь перекрыть шум воды и одновременно не подавиться зубной пастой.

Тётёля, сидя у кухонного стола, наносила макияж. Ее левый накрашенный глаз глядел на мир из-под кокетливо изогнутых ресниц величаво, с загадочным прищуром. Правый, еще не накрашенный, смотрел заспанно и недовольно.

Лада наливала чай. Тётёля, борясь с яростной зевотой, проворчала:

– Какая, все-таки, гадость – эта ваша семь утра! Чего ты подскочила ни свет, ни заря, Ладушка-Оладушка?! Меня в твоём возрасте бабка Дуся за косу с кровати стащить не могла!

– На работу! – гордо заявила Лада.

– На работу... – усмехнулась Тётёля. – Работа – это где деньги платят. А у тебя не работа, а так – кружок для младшего дошкольного возраста.

– Мне тоже платят! – смутилась Ладушка.

– Угу... Книжками пыльными. Сказки разрешают задарма читать. Ты все в «ладушки» играешь! – Тётёля докрасила правый глаз и наклонилась к небольшому круглому зеркалу, придирчиво разглядывая морщинки на лбу.

– Ну почему... Деньги же мне тоже платят. Только ведь они – не главное! – убежденно сообщила Ладушка, разворачивая конфету.

– Поешь по-человечески! – сердито сказала Тётёля. – Одни конфеты круглыми сутками! Смотри, разнесет как...

Она хотела сказать: «Как меня», но вовремя спохватилась.

– Разнесет как... Ну, как не знаю кого! Будешь сидеть девицей у окошка: ни денег, ни мужика, только задница – на семерых росла, одной досталась!

– А я много могу съесть... – ответила Ладушка, стараясь не показать смущение. – И не толстею, вот! Все люди разные...

– Угу... – в такт кивнула Тётёля, – знаем-знаем! Все люди разные... Одна я одинаковая! Хватит пререкаться. Жуй молча!

Ладушка обиженно засопела, склонилась над большой чайной чашкой и по-мышьиному захрустела печеньем. Тётёля была ее родной теткой – младшей маминой сестрой. Когда Лада только родилась, Ольга еще училась в школе, и ее очень забавляло взрослое звание тети. Но с годами носить этот «титул» ей нравилось все меньше и меньше. Теперь, когда свой возраст Тётёля определяла фразой «чуть за тридцать», она вдруг начала требовать, чтобы ее называли просто по имени – Олей. Но робкая и вежливая Лада, с детства привыкнув «тётелькать», с трудом перестраивалась на новый лад.

Ольга, открыв очередную баночку с каким-то ароматным колдовским снадобьем, втирала его в руки. Запахло цветами и одновременно – кондитерской. Руки Тётёли были белыми и мягкими. Глядя на ее энергичные и точные движения, Ладушка в восхищении замерла с открытым ртом, не дожидаясь печенья. Меж тем, тетка, не теряя ни секунды, отставила банку с кремом, открыла пузырек с лаком и ловко начала красить ухоженные ногти.

– Какие у тебя красивые руки, Тётёля! – наконец, с тихим восхищением вздохнула Лада. – Совсем как у настоящей Знатной Дамы!

– А ты перестань по деревьям лазить, и у тебя такие же будут! – отрезала Ольга, не прельстившись комплиментом. Ладушка тут же покраснела и спрятала исцарапанные руки под стол.

– Я не лазила по деревьям! – смущенно пояснила она, – я же рассказывала... Это елка в парке... Она особенная. Нижние ветки – как шалаш. С тротуара не видно, а если под них заберешься, можно стоять, не нагибаясь. А птичья кормушка возле самого ствола висит. Никак не подберешься, чтобы не исцарапаться...

– Ну и на кой черт тебе туда подбираться? Если уж так хочется – в другую кормушку накроши. Да хоть на тротуар насыпь – воробьев везде хватает!

– Нет... Она особенная, эта елка – я же говорю. Везде птицы прилетают, поклюют, и улетают. А на этой елке они всегда живут... Они песни поют. Радуются. И утром, и днем, и вечером тоже. Понимаешь? А еще...

– А еще на тебя зеленки не напасешься, – перебила Тётёля. – Девица на выданье, а руки – как у слесаря!

Через некоторое время она взмахнула растопыренными пальцами, просушивая лак.

– Вообще, лучшее средство ухода за руками – делать все руками мужа! – авторитетно заявила Тётёля. – Но это не про нас с тобой, подруга! Мы – женщины одинокие, свободные и трудолюбивые! Все. Чао, крошка! Я на смену. Да и ты топай на свою работу – тебе там еще кота кормить.

– Ка-акого кота? – не поняла Ладушка.

– Который тебе прошлую зарплату наплакал!

Тетка Оля развернулась на каблуках и ушла. Она работала в кондитерском отделе огромного круглосуточного гипермаркета «Плеяда», который в городе почему-то окрестили «Ваксой». Лада тоже не стала задерживаться. Когда она говорила Ольге о том, что поднялась так рано из-за работы, она немного лукавила. В университет ей нужно было к половине девятого – к первой паре. Ее работа (точнее, подработка) в университетской библиотеке закончилась сразу, как только начались занятия. На этом настоял сам Артур Федорович. Но причин не залеживаться в постели у Ладушки было множество.

Во-первых, надо было узнать предсказание Вещего светофора. Во-вторых, никак нельзя опоздать за дирижерский пульт – ведь кто-то же должен командовать парковым оркестром, исполняющим утренний вальс. В-третьих, нужно поздороваться со всеми знакомыми – людьми и животными. В-четвертых, провести Вкусную елку, накормить птиц и забрать заслуженную конфету (а это лучше делать рано утром, пока еще нет посторонних глаз, бессовестно проникающих в чужие секреты). Наконец, перед занятиями нужно успеть забежать к Артуру Федоровичу, поболтать о том – о сем и угоститься консервированными персиками. Словом, дел было невпроворот. Лада поскорее оделась, положила в сумку с книгами печенье для птиц и выбежала на улицу.

Снег под ногами похрустывал, словно хихикал, довольный своей ночной выходкой. Солнце спешно выбрасывало свои лучи на мостовую. Оно будто извинялось за недосмотр и торопилось скорее убрать несвоевременную белизну с зеленых газонов и тротуаров. Снег не противился. Он послушно уходил, подгоняемый солнцем, но внутренне усмехался: ничего, мол, свети-свети! Скоро я вернусь, и тогда посмотрим, кто кого! Удивленные осенние цветы поднимали свои головки, расправляли примятые листья и перешептывались: «Какой ужас! Что это было?!»

Ладушка слушала эту тихую беседу по дороге к троллейбусной остановке. Она двигалась быстрым шагом, еле сдерживаясь от желания помчаться вприпрыжку. Все-таки, она теперь студентка. Нужно быть серьезнее – положение обязывает. Но в душе все прыгало и пело: такой необычный сон просто так не приснится! Он точно вещий. Ведь снег-то выпал! Значит, надо ждать в гости и Ночного Шутника?! А, может быть, это и есть тот сюрприз, который пообещал папа...

Нет! Это желание было настолько сокровенным, что признаваться в нем Ладушка боялась даже самой себе.

Троллейбус чихнул дверями и поехал. Пять остановок. Их нужно просто проехать, вися на поручнях и стараясь, чтобы тебе не отдавили ноги. В троллейбусе по утрам люди редко бывают интересными и приветливыми. Ладушка не обижалась. Она знала, что скоро люди проснутся. И вот уж тогда они не смогут удержаться – начнут наперебой открывать ей свои истории.

Вещий светофор стоял на перекрестке перед остановкой «Городской сад». Ладушка едва ли могла сказать, откуда она узнала тайну светофора и кто подсказал ей ключ для расшифровки его предсказаний. Тем не менее, пророчества работали безотказно.

Правила Вещего светофора были просты: чтобы узнать пророчество, перед перекрестком требовалось зажмуриться, загадать желание или сформулировать вопрос. Если светофор зажигал зеленый свет, сходу пропуская троллейбус, то желание непременно сбывалось, а весь последующий день обязательно случался чудесным. Если же троллейбус останавливался на красный, приходилось набрать побольше воздуха и задерживать дыхание. Хороший знак, если троллейбус успевал проехать, пока в легких не закончился кислород. В этом случае загаданное желание тоже исполнялось. Правда, для этого иногда приходилось очень постараться. Но случалось и так, что задерживать дыхание было уже невозможно, а зеленый свет так и не желал

включаться. В такие дни вместе с выдохом улечивались надежды на лучшее. После столь серьезного предупреждения Вещего светофора рассчитывать на подарки судьбы не приходилось...

– Пусть мой сон будет не просто так, и сбудется то, что я хочу! – быстро, и потому несколько сумбурно подумала Ладушка и зажмурилась. Она почувствовала, как троллейбус замедляет бег перед перекрестком. Сердце Ладушки затрепетало. Только бы зеленый! Троллейбус еще сбавил скорость, но все же беспрепятственно проехал светофор.

– Ура! – мысленно возликовала Ладушка. Двери снова чихнули и выпустили ее на мостовую.

В университет можно было добраться и на маршрутке, которая подъезжала к самой университетской площади. Но Ладушке куда больше нравилось ездить на троллейбусе, чтобы совершать каждое утро небольшое путешествие через городской парк. Зачем? Это вряд ли поймут те, кто считает, что прямой путь – самый короткий, а время – это обязательно деньги.

Забор городского сада не был высоким – примерно до пояса. Но ему ни к чему было быть высоким. Кружево литых вензелей на чугунных розетках, хитросплетение кованых ветвей и неизвестных листьев, выкрашенных в черный цвет, массивные столбы, увенчанные тяжелыми шарами – все говорило о том, что забор – не просто ограждение, а граница между двумя мирами, которую нельзя просто так пересечь. Из суетного, громкого, горячего мира большого города в прохладное темно-зеленое царство парка можно было попасть через гигантскую Арку. Она заслуживала того, чтобы именоваться с заглавной буквы. Как же постарались литейщики и кузнецы! Металлическое кружево вздымалось к самым небесам! Под Аркой, казалось, легко мог бы пройти Королевский слон в парадной сбруе, если б у него нашлись дела в городском парке. Тенистые липы и клены смыкали свои ветви над широкой главной аллеей, превращая ее в тоннель, наполненный зеленоватыми сумерками. Каждый раз, ступая на разноцветные плиты аллеи, Ладушка замирала от щекочущей смеси страха и ожидания непереносимого чуда, которое ждет ее в конце пути.

О чем поет утренний город

– Адрамеллех!

Воображаемые ворота, окованные зеленой бронзой, неслышно распахиваются перед путницей, владеющей тайной имени стражника.

– Привет, Амелька! Что хмуришься? Не выпался? То-то же!

Сухонький старичок в восточном халате стоит на пороге небольшой будки, установленной чуть в глубине сада – слева от ворот. Он зябко запахивает полосатый восточный халат, поправляет тюбетейку и тянет к небу ладони лодочкой – так дети ловят теплый дождь. Но солнце еще не добралось до его крыльца. Старик недовольно цокает языком и бормочет:

– Нимага кор сентябрда? Дахшатли об-хаво!

(Зачем снег в сентябре?! Ужасная погода! – узб.яз.)

– Не ворчи, Амелька! А не то хвост полиняет!

Вперед, вперед! Зеленые сумерки отступают перед теми, кто силен и бесстрашен! Нужно успеть! Заставлять играть оркестр без дирижера – верх неприличия! Сбежавший снег оставил на разноцветных плитах аллеи свой след. Ага! Само собой, хулиган-снег не смог пройти и мимо дирижерского пульта! Конечно, на первый взгляд никакой это не пульт, а обычная довольно потрепанная парковая скамейка – одиннадцатая от ворот, если считать по правой стороне. Но на самом деле это лучшее место – отсюда виден весь огромный оркестр.

Тающий снег промочил крашенные доски скамейки. Но это не страшно – можно подложить сумку с книгами и на время примоститься сверху. Так даже лучше. Итак, дирижер у пульта, зрители на местах. Когда же начало?

Зеленый занавес листвы чуть колыхнется. За ним угадывается суeta оркестрантов. Вечно у них так: в последнюю секунду нужно что-то переменить или поправить, сдвинуть стул, наклонить пюпитр с нотами! За спиной едва слышный гул партера, вежливый, но и нетерпеливый. С высоты лож раздается легкомысленное щебетанье. Ах, эти птицы порою совершенно не умеют себя вести!

Пора... Пора, пора!!! Поклон публике, стремительный разворот – взметнулись фалды воображаемого фрака! Дирижерская палочка взмывает вверх...

Вот она – секунда всеобщего молчания... Что? Кажется, началось?! Да! Началось...

– Цок... Цок... Тик-так...

Из глубины аллеи приближаются шаги. Это Старик-Часы. Он никогда не опаздывает. Он проходит по главной аллее ровно в восемь. Неспешное цоканье его подкованных башмаков, словно метроном, задает ритм огромному оркестру, замершему в ожидании. Старик-Часы высок, худ и сутул. Руки, как всегда, сомкнуты за спиной, в пальцах – шляпа. Вот бы как-нибудь незаметно опустить в эту шляпу конфету?! Привет, Старик-Часы!

– Ху-ху-Ха! Ху-ху-Ха!

Начинается музыка! Слева по аллее бежит Человек-Ветер. Он специально дышит так глубоко и громко – тренирует свои легкие. Два шага – выдох, третий и четвертый – резкий вдох: «Ху-ху-Ха! Ху-ху-Ха!» На каждый «цок» старичка – вдох и выдох бегуна. В его глазах что-то далекое, словно неживое. Будто он бежит здесь, и одновременно – в тысяче разных мест на земле. Его могучее тренированное дыхание раскачивает верхушки лиственниц в тайге и поднимают океанские волны.

Главная аллея, вымощенная плиткой – огромная клавиатура с разноцветными клавишами. Какие ноты сегодня возьмет Человек-Ветер? Ведь иногда он бежит мелкой трусцой и будто нарочно наступает только на узкие красные плиты – диезы и бемоли. Вступление получается сложным, дробным, путаным. Иногда он летит широкими скачками по большим прямоугольникам серых плит, и ноги его нажимают только на «белые клавиши». Тогда музыка выходит довольно однообразной, хоть и ритмичной.

Но подождите?! Что за чудо?! Сегодня Человек-Ветер играет что-то уж совсем необычное... Позвольте! Да ведь он перепрыгивает лужи!

Вот бег замедляется... Пиано... С белой клавиши – на красную! С красной – на белую. Осторожное стаккато на носочках между луж.

Пиано, пиано! Впереди целое море!

Человек-Ветер вскочил на бордюр и выбил по нему семенящими шажками дробную трель... Куда же дальше?! Кругом вода?!

О, Боже мой! Что за дивный прыжо-о-о-ок! Форте! Фортиссимо!!!

Шлеп-плюх-плюх-плюх... Хм, не долетел... Надеюсь, ты не очень промок, Человек-Ветер?! Мокрые ноги на ветру никого не обрадуют.

– Тра-та-та-та-та... – голубиная стая, хлопая крыльями, сорвалась с разноцветных плит и начала выписывать круги в светлеющей синеве утреннего неба. Сонные голуби грелись под первыми лучами солнца, пробившимися сквозь листву, но черная кошка стремительным прыжком вспугнула птиц. Молодец, Корогуша! Надеюсь, ты успела выспаться?

– Жжжих! Жжжих! – далеко, на другом конце парка, мерно шуршат по асфальту метлы дворников.

Звуки просыпающегося города пока еще робкие. Но они множатся, наслаиваются. Они сливаются в радостную мелодию утра. Музыка эта еще нежна и ненавязчива. Но постепенно она набирает силу:

Резко гаркнула ворона. С соседнего дерева ей отозвались сразу две. В терцию. Так и заработали дальше на три голоса – синкопами.

– Бим... Бом... Бим-м-м-м! Бом-м-м-м! – врывается в хор тяжелый медноголосый колокол. То есть, конечно, это не колокол, а гидравлический молот, забивающий сваи на далекой стройке, но голос у него просто потрясающий.

Звуки воображаемой флейты легким шлейфом плывут за девочкой-гимнасткой. Она спешит на тренировку – гимнастический обруч в розовом чехле переброшен через ее плечо. Шаги ее легки и невесомы, но каждое движение исполнено молодой радостной силы, стремления вперед. Перепорхнув очередную лужицу, гимнастка вдруг сходу делает фуэте. Невидимая флейта переливисто смеется. Доброе утро, девочка-гимнастка!

Справа скрипят резиновые сапоги – будто пробует свои силы тромбон. Это шагает прыгающей детской походкой Человек-Привет. Все в нем блестит: его черная резиновая обувь, целая гирлянда значков на лацканах зеленой куртки, бритые под ноль виски, лаковый козырек его непрменной кепки и такая же непрменная, никогда не сходящая с лица, улыбка. Такая уж у него служба. Ранним утром Человек-Привет берет под мышку холщовую авоську и выходит из дому. Он несет свою улыбку, как флаг, шагая навстречу прохожим. Шагает затем, чтобы люди улыбались друг другу и здоровались друг с другом. Привет, Человек-Привет! А все-таки интересно – что у тебя в авоське?!

Деловито и басовито, будто по струнам контрабаса, топает совершенно круглая школьница, на ходу жуя бутерброд. Круглое лицо, круглые щеки, круглые кусочки колбасы. Эй! Поспеш! Опять опаздываешь? Гимнастка обогнала тебя на целых пять минут! Круглая девочка – тоже гимнастка. Только об этом никто не знает. Пока ее все только дразнят. Но в один прекрасный день она, подобно бабочке, выпорхнет из своего кокона и сделает тройное сальто назад. Все обидчики обалдеют и будут аплодировать стоя. А вот вам! Нечего было обзывать!

Радостный грохот – будто горох сыплется на большой турецкий барабан. Это подскакивает на стыках плитки пластмассовый грузовик. Его тянет на веревке краснощекий, похожий на снегиря, малыш. Малыша тянет молодая краснощекая мама. Мама торопится, а малыш – нет. И грузовик – тоже нет...

Звучат маракасы. Это папаша с дочками-двойняшками. Одинаковые сапожки, одинаковые курточки, одинаковые шапочки с одинаковыми помпонами, одинаковые вздернутые носики. Красота! Как, наверное, здорово – иметь возможность посмотреть на себя со стороны без зеркала! При каждом шаге двойняшки-маракасы радостно гремят. Даже гадать не надо: совершенно точно у обеих в карманах жестяные коробочки с леденцами-монпансье! Тоже одинаковые...

Лениво, низко, неспешно поет виолончель. Это вышла на прогулку огромная черная собака-водолаз. Хозяйка зовет ее Лорой, но на самом деле ее зовут Медведица. Это имя подходит ей куда больше. Как вязкая янтарная капля меда медленно стекает с ложки, так и Медведица плывет по аллее – будто бы неохотно, будто бы обдумывая каждый шаг. Но движение это полно тягучей силы и грации.

Но вот неспешный голос виолончели заглушает ударная установка. Наперегонки дробно молотят том-томы, ухает «бочка», выстукивает сложное соло малый барабан под аккомпанемент звенящих тарелок. Это мальчишки бегут в школу, толкаясь, споря и крича.

Какофония нарастает. Город проснулся. Аллею постепенно заполняют Серые – те, кто оказался на аллее случайно. У случайных редко бывает интересная музыка, потому что аллея для них не огромная клавиатура, а расстояние из точки А до точки Б. Серые спешат, что-то нервно объясняют трубкам своих телефонов. От них лишь шум. И совсем нет интересных историй.

Куда идет этот целеустремленный молодой человек в сером деловом костюме? Грабить Королевские слонюшни или добывать Золотое руно? Нет... Он совершенно точно и предска-

зуюмо идет в офис. Об этом, и только об этом говорят его целеустремленное лицо, целеустремленный шаг, целеустремленный костюм и целеустремленные очки в узкой золотистой оправе. Вот разве что прическа у него какая-то нецелеустремленная: несмотря на все старания, из аккуратно уложенной челки выбился непослушный вихор. Он торчит озорно и даже протестующе. В нем одном – больше музыки, чем во всем целеустремленном офисном юноше.

Город пошел на работу. Надо торопиться дальше! Теперь оркестранты справятся сами. Легкий поклон зрителям. Заслуженные аплодисменты: славная вышла мелодия! Сегодня город будет жить под очень хорошую музыку.

Послание Ночного Шутника

Впереди зеленого тоннеля забрезжил свет – аллея выводит путницу на Площадь Трех трубачей. Конечно, это не площадь, а небольшая круглая площадка с белой колонной посредине. Серые люди могут воспринимать ее как досадную помеху, заставляющую уклониться с прямого пути. Зря! Если поднять голову и хоть пару минут посмотреть на нагих бронзовых карапузов, установленных на колонне, захочется смеяться и плясать вместе с ними. Они плещутся в радости детства и тонко трубят в длинные трубы. Если услышать их смех, круглая площадка действительно покажется Площадью, предназначенной для танцев, смеха и счастливых объятий.

Но что это?! Там, за колонной... Это... Да это же... О, чудо! Ведь это же Арчибальд! Ночью кто-то собрал весь снег с Площади и вылепил из него пузатого слона с довольной физиономией. А чего бы слону быть недовольным?! Ведь он, наконец-то, играет в прятки! Вон как укрылся за колонной – сразу и не разглядеть.

Кажется, светофор не обманул! Ночной Шутник и впрямь побывал здесь...

Сверху, радуясь удачной выходке Шутника, заливисто смеются бронзовые трубачи. Хотя, быть может, это не их смех, а радостное щебетание обитателей Вкусной елки? Их голоса порою очень трудно различить...

Огромная Вкусная елка растет на краю Площади. Она опустила свои нижние ветви почти до земли. Нужно осторожно поднять колючую лапу и проскользнуть в открывшийся проход. Здесь, в шалаше из веток, можно выпрямиться в рост. Любопытные синицы, как по ступеням лестницы, скачут по веткам своего дома и громко обсуждают последние новости.

– Привет, синицы! Сегодня у нас на завтрак печенье. Ой... То есть, у нас на завтрак не совсем печенье, а печенье, на котором немного посидел дирижер паркового оркестра. Но вы же не обидитесь? Вы отдадите мою конфету?

Сразу за кормушкой в огромном стволе скрывается дупло. Обнаружить его сможет лишь тот, кто угощает птиц – нужно высыпать корм и протянуть руку чуть дальше, тогда в стволе обнаружится пустота. Ну! Еще чуть-чуть! На цыпочки! Шершавая кора, капелька смолы липнет к ладони... Ох... На руке опять будет царапина... Где же? А! Вот. Пальцы находят небольшую картонную коробку. На ее крышке – затейливые буквы: «Тебе от нас!» Внутри – шоколадная конфета. Она появляется там каждое утро. Откуда? Ее, конечно, приносят благодарные синицы и дарят тому, кто их угощает.

– Тебе от нас! Тебе от нас! – кричат птицы, прыгая с ветки на ветку.

– Спасибо, синицы!

Вперед! По главной аллее, мимо красных рябин. Рябины – это карликовые помидорлоки. Северный сорт. Потому и горькие. Небольшой фонтан, за ним аллея расширяется практически вдвое, образуя еще одну небольшую прямоугольную площадь. Здесь тоже гуляют старые знакомые.

Привет, Рома и Римма! Привет, Софья Антоновна! Толстобокие кудлатые Рома и Римма, связанные одним поводком, как всегда тихо ссорятся. И что вы делите каждое утро, барбосы?!

Не надоело? А Софья Антоновна стала совсем рассеянной. Правый локоть пальто протерся, левый рукав в кляксах, и пуговица на одной нитке висит. Расчесаться забыла. Ох, уж эти ученические-колдуньи! Идет бездумно за собаками – голова ее явно занята изобретением формулы какого-нибудь очень необычного зелья.

Впереди столетние дубы, а за ними еще одна огромная витая Арка. Она – сестра-близнец Главной Арки, и тоже находится на границе миров: из сказочного сумрака сада ведет она путницу к дворцовой (точнее, университетской) площади, где вздымает в самое небо острые шпили дворец Артура Федоровича (университет).

На площади за воротами машут метлами дворники в зеленых комбинезонах. Привет, Гуля и Фая! Какие-то вы хмурые с утра! Что, подметаєте опавшие листья? Ну, уж нет, нас так просто не проведешь! Тут листьев-то – Корогуша наплакала! Наверняка, разбираетесь с магическими кругами. Конечно, неопытный путник может побежать через площадь напрямую, понадеявшись на то, что все ловушки уже сняты. Но спокойнее свернуть налево и пройтись в обход – по тротуару. А то попадешься, и прощай утренний компот из персиков!

Ой! Снова Корогуша! Тебе тоже достался сюрприз?! Я вижу, Ночной Шутник сдержал обещание и в самом деле принес тебе жареную курицу?! Поздравляю! Ну, кушай, кушай. Заслужила. Приятного аппетита!

Что? Любой добрый человек может положить на парапет ограды кусочек курицы для бродячей кошки? А кто же тогда, скажите на милость, расцветил чугунный шар, венчающий первый столб парковой ограды, в огромный желтый смайл?! Нет, Ночной Шутник где-то рядом. И, кажется, он решил оставить подсказку – как его найти!

Вот: на каждом чугунном шаре ограды написана маленькая буква! Надо только прочитать послание! Вместе с пролетами забора оно убегает вдаль, аж до остановки маршрутки!

Смайлик... Пролет... «В»... Пролет «О»... Надо быстрее, а то можно не успеть на занятия! Пролет-«К»-пролет-«Н»-пролет-«Е» Так! Запишем в блокнот: «В окне» Что там дальше? Бежим!

В окне меч... Вон анаболик Мотебудан-517В... А буду я нем... Ищи!..

А Лев Самус лег на диван.

Ух... Можно перевести дыхание! Ну и послание оставил Ночной Шутник! Ошибки быть не может – каждая буква перерисована в блокнот. Но что бы значила эта странная надпись? Впрочем, разобраться с нею еще будет время. А сейчас – в Университет.

Тротуар, площадь, ступеньки, двери, турникет! Коридор – налево, коридор – лестница, четвертая дверь по правой стороне! Часы показывают четверть девятого. Ух!

– Здравствуй, Ладушка! Почему ты так запыхалась?

– Артур... Ух... Федорович! Вы верите в вещие сны?! И еще... Уф... Вы знаете, кто такой Лев Самус?

Папа

Ладушка приехала в город из Крутенки, когда окончила школу и успешно сдала экзамены в Университет. Крутенки были далеко – сначала четыре часа на автобусе до райцентра, а потом еще добрых два часа на попутке по ухабистому проселку.

Асфальта в Крутенках еще не было, а Интернет уже был. Именно он сообщил радостную новость о зачислении. Мать сначала обрадовалась, а потом всплакнула. Потом стала звонить сестре Ольге в город и укладывать чемоданы.

– Поехали, чего уж... – сказала она. – Своими глазами поглядим. Вдруг врет он, этот твой интернет?..

Ладушка и сама боялась, что врет. Одна часть ее души звенела от счастья, как парадные бубенчики в ушах королевского слона, другая тряслась, как заячий хвост. Перспектива жить и учиться одной в огромном чужом городе захватывала и пугала. Как всегда, оказавшись в затруднительной ситуации, Ладушка забралась с ногами на свою кровать и прошептала: «Папочка! Мне страшно... Как там будет?»

«Не вешай нос, Ладушка! Этот орех нам по зубам!» – ободряюще ответил невидимый папа.

Отец уехал куда-то очень далеко, когда Лада была еще совсем малышкой. Даже само название той земли, куда он уехал, было беспощадно далеким – Дальний Восток. Отчего он уехал – маленькой Ладушке никто не объяснял. Мама каждый раз сердилась, или хуже того – молчала и плакала в своей комнате за шторкой. Остальные взрослые прятали глаза и спешили завести разговор на другую тему.

Но папа приезжал. Один раз в год, летом. Он всегда привозил подарки. Не только игрушки или красивые платица. Папа всегда умел изобрести что-то совсем необычное.

Но дело было даже не в подарках. Главное заключалось в том, что на какое-то время папа принадлежал только Ладушке. Они устраивали качели, вместе гуляли по лесу, часами сидели на берегу речки и говорили обо всем на свете: почему кузнечик зеленый, а божья коровка красная, зачем человек икает и к чему у рыбы-пила вместо носа – пила. Вместе они ездили в город, ходили в театр и цирк, и все было просто чудесно, но примерно через неделю папа обычно уезжал. И Ладушке становилось настолько горько, что слезы, не спрашиваясь, текли по несколько дней кряду. В такие дни она не знала, как было бы лучше: чтобы папа приезжал почаще, или не приезжал совсем. А потом она снова начинала ждать, и ждала целый год.

Еще папа писал и звонил. Потом письма стали приходить все реже и реже, остались только звонки. И однажды папа не приехал. По телефону он извинился и сказал, что возникли проблемы на работе. Потом Лада узнала – у папы новая семья.

Ладушка не обижалась, не считала себя несчастной или чем-то обделенной (такая уж особая пора – детство). Она твердо знала: пусть хоть сто тысяч новых семей будет у папы, в первую очередь он все равно будет ее, и ничьим больше. Иначе и быть не могло. Ведь даже это необычное имя – Ладушка – выдумал папа. Он, родной и все понимающий, всегда был и будет где-то рядом.

Даже когда отец не приезжал по несколько лет к ряду, и лишь изредка звонил, он все равно присутствовал поблизости, как добрый невидимка. У него можно было спрашивать совета. Ну, или у себя спрашивать – как бы он отнесся к тому или иному поступку.

А потому, когда Лада узнала о зачислении в Университет, она первым делом мысленно поделилась страхами и тревогами с папой. «Этот орех нам по зубам!» – ответил папа. Он всегда так говорил. От этих слов одновременно потеплело в груди и защипало в носу.

Библиотека Артура Федоровича

Тетка Ольга около двух лет назад разошлась со вторым мужем. «Освободила его досрочно за хорошее поведение!» – поясняла она. Кипучей радости по поводу приезда деревенской родни она не выказала. Но когда Ладушка с матерью убедились, что интернет не врал (сходили в университет, где своими глазами увидели списки зачисленных на филфак) и завели речь об устройстве в общежитие, Тётёля категорически воспротивилась.

– Нельзя такой деревенский оладушек в общежитие! – заявила она. – Пусть при мне поживет, осмотрится. Потом подумаем.

Мать обрадовалась и засобиравшись назад в Крутёнки – подходила пора страды на огородах. Собиравшись домой и Ладушка – делать в городе до начала занятий было абсолютно нечего.

Однако неожиданный случай избавил ее от огородной повинности. Получилось это так. В Университете на доске объявлений среди списков задолжников, гневных угроз коменданта общежития в адрес дипломников, не сдавших комнаты, и прочей бумажной шелухи, Лада увидела небольшой аккуратный листок, исписанный каллиграфическим почерком:

Внимание!

Работа для студентов

на время летних каникул. За справками

обращаться в университетскую библиотеку к

заведующему А.Ф. Королеву

Пожалуй, эта бумажка единственная из великого множества объявлений могла иметь к Ладушке какое-то отношение: она еще не была ни задолжницей, ни дипломницей, в глаза не видала никаких комендантов. Но вот студенткой она уже была. Положение, как говорится, обязывало... За один лишь последний месяц своей жизни Ладушка, словно платя в примерочной, переменила наряды школьницы, выпускницы, абитуриентки, и теперь осваивалась в новом студенческом образе. Что ж удивляться, что обычно робкая и стеснительная девушка вдруг ощутила в душе присутствие новых незнакомых амбиций? «Схожу! Хотя бы на разведку!» – подумала она и решительным шагом направилась разыскивать библиотеку.

Седобородый Артур Федорович Королев, главный в этом книжном царстве, покорила Ладушку совершенно. Едва увидев ее на пороге своего небольшого кабинета, где все сплошь было уставлено книгами, он заговорил с ней как со старинной знакомой. Он напоил ее чаем, угостил замечательным компотом из консервированных персиков и за угощением объяснил причины, побудившие его написать объявление.

«Летнюю работу для студентов», которую предлагал Артур Федорович, можно было бы назвать непыльной. Но не получится. В первой половине дня нужно было подниматься по гигантской стремянке под самый потолок, снимать с полок толстенные тома, аккуратно стирать с них пыль, сверять с картотекой инвентарные номера и библиографические данные. Во второй половине – усаживаться за компьютер и составлять электронный каталог – перепечатывать уточненные сведения с желтых картонных карточек, рассортированных по длинным фанерным ящикам.

– Неужели здесь и впрямь можно найти нужную книгу?! – тихо спросила она, –

Ведь это неделю придется искать...

– Не более пяти минут! – рассмеялся Артур Федорович и поправил очки. – А благодаря Вашей бесценной помощи к началу семестра это время, надеюсь, сократится до одной минуты.

Так Ладушкина «разведка» окончилась пленом. Она еще не успела всерьез задуматься о том, что все это не игра, и даже еще не вообразила себя на верхней ступени высокой стремянки – как вдруг оказалось, что на ее помощь здесь всерьез рассчитывают. Отвечать отказом на просьбы о помощи Лада не умела.

Мать повздыхала, но было видно – осталась довольна. Дочь при деле, да еще при таком серьезном. Глядишь, в учебе скидка выйдет. Да и, честно говоря, с деньгами в доме было не очень густо. Отчим Лады опять остался без работы, а дома – еще три рта (младший еще даже в школу не пошел). А тут какая-никакая зарплата будет.

Так Ладушка осталась в городе и устроилась на работу.

Работа лишь на первый взгляд могла показаться скучной. На самом деле, библиотека напоминала Ладе огромный четко отлаженный механизм, где все находилось на своих местах, и любой сбой являлся недопустимым. Разделы, жанры, эпохи, авторы – все подлежало строжайшей систематизации. Не то, что измененная цифра или литера – даже одна наклонная черта вместо двух, или незаметная запятая, случайно выскочившая на картонной карточке вместо необходимой точки, могла нарушить стройный механизм и отправить ищущего по ложному следу: в противоположный край книгохранилища.

Сама обстановка – средоточие человеческой мысли, порожденное тысячами мудрецов за многие сотни лет – диктовала некоторую торжественность, заставляла Ладушку внутренне подтянуться, и относиться к работе, как к священнодействию. В царстве Артура Федоровича не получалось смеяться, громко болтать о пустом или лениться.

Артур Федорович Королев оказался не только гостеприимным хозяином, но и самым интересным собеседником, какого ей удавалось встречать (ну, разве что за исключением невидимого папы). Казалось, он знал обо всем, что написано в книгах, и немножко больше. Например, о Ладушкином настроении и мыслях, даже если она не говорила о них вслух.

Вообще, Ладушка не очень привыкла делиться своими мыслями и чувствами. Наверное, это началось с той поры, когда уехал папа. У нее так и не получилось завести закадычных подруг в школе. Ведь девочек объединяют секреты. Она же секретничать не могла. Настоящие серьезные вопросы, терзавшие ее душу, Ладушка не задала бы никому из одноклассниц. Чувствовала – не поймут.

Была серьезная надежда на университет. Но занятия длились вот уже две недели, а Ладушка все еще чувствовала себя чужой в своей группе. Двадцать шесть девушек и только один шупленький паренек в пиджаке с пустыми плечами. Наверное, он мог бы ощущать себя в дамском коллективе еще более чужим, чем Ладушка. Но он, казалось, попросту не может через свои толстенные очки разглядеть ничего, кроме конспектов и учебников. Ну а девушки... Девушки были из другого измерения. Того, где правил бал парфюм, косметика, бренды, тусовки и социальные сети. В перерывах между парами Лада просто не знала, как поддержать разговор в этом жеманящемся кругу.

Но удивительное дело – одинокой себя она совершенно не чувствовала. Ведь в одно дивное утро компанией ей стал весь огромный город.

Стих

Город всегда немного пугал Ладушку. В Крутёнках она всех знала наперечет. С самого детства особое удовольствие для нее составляло здороваться с соседями. Утром по дороге в школу первой встречалась соседка тетка Дарья. Высокая, широкоплечая, как мужик, улыбающаяся и краснощекая. У Дарьи в хозяйстве была пегая корова Мушка и бык Ерёма. Мушка почему-то не любила коллектив. Утром она не уходила на пастбище вместе со стадом – паслась сама где-то около дома или лежала в прогретой дорожной пыли, лениво перемалывая жвачку. Однажды Ладушка нечаянно наступила ей на хвост, но Мушка даже ухом не повела. А Ерёму держали в загоне. Его боялись. И не только детвора. Однажды от Ерёмы спасался на заборе сам директор школы Юрий Валентинович.

– Здравствуйте! – радостно кричит Ладушка через палисадник и кланяется. Она ничего не могла с этим поделать: когда нужно было поздороваться с хорошим человеком, голова сама наклонялась. – А у меня зуб качается!

– Здравствуй, Ладушка! – отвечает тетка Дарья. – Молочка парного попьешь? Только только надоила!

Ладушка пьет из огромной железной кружки теплое молоко с запахом луговых трав...

У следующих ворот молодой агроном Игорек (несмотря на серьезную должность, все его так и зовут – Игорьком) воюет с мотоциклом. Мотоцикл чихает и не заводится. Игорек тихо ругается и тоже чихает.

– Здравствуйте! – улыбается Ладушка. – А у меня зуб качается!

– Угу... – бурчит Игорек.

На самом деле он не сердитый, если мотор заводится. Тогда Игорек набирает в мотоциклетную люльку столько детворы, сколько войдет, и везет до школы. Но сегодня, видимо, придется пешком...

Считается, что школа далеко – на другом конце поселка. Правда, дойти даже в эту «даль» можно минут за пятнадцать. Путь Ладушки длится куда дольше. Пока она поклонится всем хорошим людям и расскажет радостную весть о зубе, который качается, пока погладит всех знакомых собак, пока заглянет в каждую лужу и покажет язык своему отражению – добрый час может пройти. Хорошо, что все встречные хорошие люди действительно хорошие. Они знают эту Ладушкину особенность и всегда напоминают ей про время – подгоняют, чтобы не опоздала на занятия.

Когда папа привозил Ладушку в город, поклониться каждому на многолюдных тесных тротуарах просто не получалось – голова бы отвалилась. Когда она пробовала здороваться со случайными прохожими, те смотрели на нее удивленно и даже чуть пугались. А папа смеялся и гладил ее по макушке.

Теперь же, оказавшись в городе одна, Ладушка и вовсе растерялась. Город набрасывался на нее всегда неожиданно и ошеломляюще: то взвизгнет тормозами легковушки на пешеходном переходе и недовольно загудит в клаксон, то в утренней толчее стукнет углом чьего-то чемодана по коленке, то отдавит ногу в троллейбусе.

Перевести дух получалось только в городском парке. Днем прохожих здесь было немного. Ладушка садилась на скамейку, поджимала отдавленные ноги и изо всех сил старалась не расплакаться. В такие минуты ей было так грустно и одиноко, что даже гордое звание студентки ее почти не радовало. Вот в эти-то горестные минуты в голове Ладушки неожиданно сами собой начали появляться строчки. Именно сами собой и именно появляться.

Ладушка не сочиняла. Она прислушивалась... День за днем она приходила в парк, усаживалась на скамейку, и ждала, когда послышатся строчки. Услышанное нравилось ей далеко не всегда. Но при этом Ладушка не была уверена – имеет ли она право что-то исправлять в этом необычном стихотворении, и потому записывала текст в блокнот, как есть.

Сначала было так:

Ища сады, Душа бродила по болотам.

Но ила наглотавшись до икоты,

В тумане потеряв следы,

Шла к омуту, сама того не зная...

Как будто бы там сад, достойный рая.

И в нем цветы – необычайной красоты...

Однажды в Ладушке было особенно грустно. Наступило воскресенье. Тётя с утра ушла, заявив, что вернется поздно. Библиотека была закрыта, Артур Федорович проводил заслуженный выходной где-то на даче. Ладушка позвонила домой, в Крутёнки, но к телефону никто не подошел. Наверное, все были во дворе или на речке. От звука долгих гудков на душе стало совсем тоскливо, и Ладушка отправилась грустить в парк. На этот раз строчки звучали совсем отчетливо. За какой-то час Ладушка записала целую строфу:

Вот омут. Гладь, все очень тихо.

И в темноте не видно лиха,
Что суждено Душе испытать сполна.
Вода темна, и ночь темна.
И в темноте не видно дна,
К которому Душа стремится...

Что будет с Душой дальше, Ладушка пока еще точно не знала. Сама собой просилась рифма «утопиться», и потому казалось, что неопытная и всеми покинутая Душа непременно увязнет в болотной топи и сгинет. Когда другие узнают о ее печальном конце, им придется горько сожалеть. Но будет уже поздно. А нечего было отпускать Душу неизвестно куда!

Облечь этот печальный финал в стихотворную форму Ладушке помешали влюбленные, которые уселись неподалеку и начали беззастенчиво целоваться. Ладушка очень смутилась и покинула свою стихотворную скамейку. Пришлось отложить этот труд на вечер. Но вечером вдруг позвонил папа...

Его родной голос походил на летний дождь: был негромким, но теплым, ласковым и радостным. Он в секунду смыл всю грусть с Ладушкиного сердца, как дождь сбивает пыль с мостовой.

– Какая же ты у меня умница! – говорил голос. – Всем знакомым тобой хвастаюсь, студентка ты моя...

Ладушка краснела. Ладушка умирала от счастья и гордости. Папа говорил, спрашивал, она что-то отвечала, иногда невпопад. Перед тем, как попрощаться, он вдруг сказал:

– Ну, теперь жди сюрприз! Заработала!

Сердце Ладушки звонко стукнуло и подскочило, как теннисный мяч...

Спросить у папы, каким будет сюрприз, она не решилась, боясь вспугнуть небывалое счастье. Но она знала, чего ждать. Дело в том, что эти папины слова не были обычными. Он всегда говорил: «Жди сюрприз!» перед тем, как приехать. Он никогда не произносил их впустую.

Каждый раз после этих слов жизнь Ладушки наполнялось счастливым ожиданием, которое окрашивало в радужные цвета все вокруг. Неважно, что текущие дела и заботы не всегда были интересными. Мыла ли Ладушка полы, меняла ли пеленки младшему братишке, учила ли словарный минимум по-английски или лечила насморк, в душе ее всегда пела мысль: «Папа едет! Папа едет!»

И вот папа позвонил. И велел ждать сюрприза... Само собой, ни о каких стихах речи в тот вечер быть уже не могло. До полуночи Ладушка вспоминала разговор с папой, поворачивая каждое слово то так, то этак, и, наконец, уснула.

Однако утром Ладушка заставила себя встать пораньше – вместе с Тёгёлей. Ей было немного совестно перед Душой, которую она заставила целую ночь страдать в трясине. Надо было что-то скорее с нею решать и внести ясность в ее нелегкую судьбу.

Ранним утром Ладушка приехала к парку, добежала до той скамейки, где сидела вчера, уселась поудобнее и прислушалась. Было еще очень тихо. Лишь птицы изредка пробовали голоса в утренней распевке. Первые солнечные лучи, просеянные через сито листьев, были чуть зеленоватыми. Казалось, стихотворные строчки в этот час будут сами прыгать на лист – стоит лишь раскрыть блокнот. Но на этот раз слова вели себя, как дети на прогулке: они скакали и кувыркались, что-то пищали вразнобой и никак не желали слушать худенькую воспитательницу, которая тщетно старалась построить их в ряд.

Пытаясь уловить общий смысл, Ладушка сосредоточилась, прислушалась и тут вдруг с удивлением обнаружила, что Душа передумала тонуть! Постепенно слова перестали прыгать, встали в шеренги и послушно взялись за руки:

Но вдруг перед Душой возрос

От Разума простой вопрос:
– Зачем все чаянья, тревоги?
Неужто не найдешь дороги
Ты к этим яблочным садам,
Там, где в тени ходил Адам,
И отдыхали его ноги?

– Найду! – вдруг радостно подумала Ладушка. Она отчетливо увидела, как Душа взбивает ногами трясины и рвется дальше – в непролазные темные дебри, потому что за ними та самая цель, из-за которой пришлось пуститься в путь. Ладушка снова прислушалась, желая знать, что же ответит Душа Разуму, но вместо стихов услышала в глубине аллеи цокающие шаги. Она завертела головой, и, наконец, увидела высокого сутулого старика. Старик взглянул на Ладушку мельком, несколько строго, и, не останавливаясь, прошагал мимо. Руки его были сомкнуты за спиной, в пальцах зажаты поля серой шляпы.

Слушая его мерные удаляющиеся шаги, Ладушка вдруг поняла, что старик идет не просто так. На самом деле, его цокающие каблучки отмеряют секунды, а сам он служит хранителем времени в этом загадочном царстве зеленоватых утренних сумерек.

Навстречу старику выбежал энергичный спортсмен в синем тренировочном костюме... Бегун так стремительно промчался мимо скамейки, что Ладушку обдало ветром.

В то утро Ладушка за каких-нибудь полчаса познакомилась со всеми музыкантами паркового оркестра. Впервые они сыграли для нее мелодию утреннего города. Теперь, когда она знала, что папа едет, город уже не казался ей таким шумным и страшным. Она поверила в то, что город может петь, и услышала эту песню.

Теперь Ладушка приходила в парк каждое утро. Даже когда моросил дождь. Даже когда очень-очень не хотелось вылезать из-под одеяла. Со временем она настолько освоилась в этом чудесном мире, что даже произвела себя в дирижеры утреннего оркестра. Каждое утро, пока город просыпался, Ладушка вместе со своими оркестрантами успевала прожить маленькую ни на что непохожую сказку.

Из всех обитателей этого необычного мира, отгороженного невидимой границей от раскаленного города, самым последним ей представился Ночной Шутник. И то не собственной персоной, а с помощью своих проделок.

Однажды в четверг за несколько дней до начала занятий в университете Ладушка, как всегда, с утра пораньше направилась в парк. Отыграла утренний концерт, поздоровалась с синицами, послушала смех Трех Трубачей и уже дошла практически до конца главной аллеи, как вдруг увидела нечто необычное. Вернее, нечто из ряда вон выходящее. Нет! Нечто совсем уж чрезвычайное! Она увидела, что на молодом дубке, растут бананы. Этот дуб спрятался за необъятным стволом своего столетнего дедушки. Конечно, тот, кто пробежал по аллее деловым шагом, да еще и отвлекался на разговоры по телефону, вряд ли смог открыть для себя такое чудо. Но тем, кто любил и умел глазеть по сторонам, молодой дубок с аллеи был виден отлично!

Ладушка засмеялась, свернула в рощицу и осмотрела чудо поближе. Конечно, бананы на дубе выросли не сами. Кто-то привял их за черенки к дубовым веткам. Рассудив, что дирижеру паркового оркестра полагаются некоторые привилегии, Ладушка смело протянула руку, сорвала желтый плод и с удовольствием откусила изрядный кусок. Жуя банан и гадая о том, кто же был автором этой проделки, она зашагала к университету.

С той поры бананы вырастали на дубе раз в неделю – каждый четверг. Для Ладушки эти дни выкрасились в теплый желто-банановый цвет.

Потом Ладушка стала замечать проделки Ночного Шутника почти каждый день. То на облезлых боках парковых урн вдруг расцветут сказочные цветы, нарисованные умелой рукой. Правда, потом Амельке приходилось красить урны свежей краской.

То вдруг гора битого кирпича и строительного мусора, оставшегося после ремонта беседки, превратится в сказочную башню Колдуньи. А вместо флага из острой крыши торчит веник, унесенный с крыльца Амелькиной сторожки.

– Мана тухтаб тур, безори! – тихо ругается Амелька, увозя в тачке битый кирпич к мусорным контейнерам. (мана тўхтаб тур, безори! – вот подожди, хулиган! – узб.яз.)

Но Ладушка давно поняла, что парковый сторож ворчит не по-настоящему. Наверняка, Амелька знает про Ночного Шутника что-то, чего не знает сама Ладушка. Но спросить у стража о том, кто именно шалит по ночам, она не решалась.

Конечно, некоторые проделки Ночного Шутника серые и скучные люди могли бы назвать хулиганством. Но Ладушка так не считала. Ведь серые – они потому и серые, что боятся ярких цветов и оттенков, а также ярких чувств и поступков. Серое – это просто, а потому правильно. Сначала такие люди смешивают все цвета до стандартной серости в себе, а потом требуют того же от окружающих. Ночной Шутник поступал наоборот – он брал серость и разделял ее на цвета.

А еще он всегда подкармливал Корогушу, Рому и Римму. Угощение для кошки он оставлял на парапете парковой ограды, а собачью еду складывал под перевернутую коробку на газоне у площади Трех трубачей. Рома и Римма приводили Софью Антоновну в эту часть аллеи, и пока она задумчиво разглядывала облупленные носки своих туфель, собаки открывали «тайник» и с аппетитом завтракали.

Справедливости ради надо отметить, что никаких доказательств того, что все эти проделки совершает один и тот же человек, не было. Но Ладушка никаких доказательств не требовала. Она просто знала. И даже догадывалась, кто этот Шутник.

Это был кто-то, кто узнал о ее страхе перед грохочущим городом и захотел помочь. Кто-то, кому по силам было преобразить серые пыльные будни в маленькую сказку персонально для нее. Кто-то, кто любит и умеет загадывать загадки...

Может быть, так необычно... начинается обещанный сюрприз? Нет, нет, нет! Это слишком смелые мысли для того, чтобы разрешить себе их думать! Пусть все идет своим чередом. И придет к счастью... Точнее, к яблочным садам, которые обязательно разыщутся за трясинной и непролазными дебрями.

Утро Тёмы Чеменкова

– Чеменков!

Шуршащая тишина... Лишь легкие шепотки сотрудников Лиги компаний разбегаются по Большому залу.

– Чеменков! – с надрывом исполнительного сотрудника повторяет старший менеджер господин Аркадий. Он рыжий и безбровый. И галстуком в корпоративную оранжево-серую полосу он мог бы обернуть свою цыплячью шею восемь с половиной раз. Он каждое утро так надывается.

Планерки в «Ваксе»... Точнее, ежедневные планерные совещания в Лиге компаний «Плеяда Ваксера» несли в себе не столько прикладное, сколько ритуальное содержание. Ровно в 8.30 все население Шпиля – двадцатичетырехэтажного офисного здания – не исключая даже уборщиц (пардон, сотрудников клининговой компании), обязано было собраться на семнадцатом этаже в Большом зале. Набиралось около пяти сотен, стоять приходилось плечом к плечу. Строго по часам под оранжевым кругом с серым крестом (герб Лиги) раздавались торжественные аккорды Корпоративного Гимна, содержащего, в частности, такие строки как:

Мы надолго будем тут –
Продажи неуклонно растут!
И припев: Нас в светлое завтра
Счастливой гурьбой
Талантливый Ваксер
Позвал за собой!

Подпевать никто не заставлял, но пение приветствовалось и поощрялось. Проследить взаимосвязь между громкостью вокала и скоростью карьерного роста в Лиге компаний «Плеяда Ваксера» не составляло большого труда. Причем, ценились не тембр голоса и музыкальный слух, а старательность исполнения. Стоит ли пояснять, что крикунов при таком подходе находилось немало: все они стремились в первые ряды поближе к небольшой трибуне с гербом Лиги, где иногда присутствовал сам господин Ваксер, а чаще – его доверенное лицо.

После гимна народ помельче разбегался по своим мелким делам. Ну а те, кто был отмечен печатью высокого доверия (носил оранжево-серые галстуки) разбивались на группы по родам занятий и расходились в разные углы зала. Отдел аутсорсинга, отдел девелопмента, отдел продаж, отдел социальных проектов, редакция корпоративной газеты «Плеяда Ваксера» – всего десятка полтора компаний, каждую из которых возглавлял наиболее горластый исполнитель гимна. Ему доверялась почетная миссия провести переключку и сформулировать планы на предстоящий день. Правда, планы эти всегда носили довольно общий характер и сводились к фразе: «Поблагодарим господина Ваксера за возможность достойного заработка, карьерного роста и творческой реализации».

Вот эту-то важную для каждого сотрудника (а значит и для всей Лиги компаний) минуту пропускал младший менеджер архитектурного сектора девелоперского отдела Тёма Чеменков. То есть, нет. Согласно правилам корпоративной этики – господин Артем.

– Че-мен-ков! – ехидно протянул по слогам старший менеджер господин Аркадий, заранее злорадствуя при мысли о том, как он будет докладывать высшему начальству о выявленном им вопиющем нарушении дисциплины.

– Да здесь он... – раздался тягучий басовитый голос из толпы.

– Где? Где? Почему не вижу? – взвился господин Аркадий.

– Где-где... В сортире он. Прослабило господина с утречка пораньше...

Это произнес человек, на бейдж которого рядом с гербом Лиги значилось: «Господин Николай, менеджер архитектурной секции». Как и все собравшиеся, господин Николай был в белой рубашке и оранжево-сером галстуке. И, тем не менее, невооруженным глазом было заметно, что мощный корпоративных дух Плеяды Ваксера, который по своим проникающим и отравляющим свойствам мог соперничать даже с хлорпикрином, не затронул этого сотрудника ни на йоту. Воротник рубашки был расстегнут, узел галстука – непозволительно ослаблен, руки в карманах джинсов (вопиющее нарушение дресс-кода!). Николаю на вид было лет сорок с небольшим. Был он богатырски высок, упитан, круглолиц, носат, неспешен в движениях и улыбчив. Однако в сторону начальства он не улыбался никогда. Вопреки правилам корпоративной этики, коллеги называли его не господином Николаем, а Капитаном.

– А, это Вы? – с неудовольствием процедил старший менеджер, разглядев говорящего. – Вы, кажется, пытаетесь ввести меня в заблуждение и покрыть очередное опоздание своего коллеги?

– Пункт шестой корпоративного устава, – лениво пожал плечами Капитан и процитировал занудным речитативом: «Каждый сотрудник Лиги Компаний обязан предпринимать максимум усилий для создания и поддержания положительного имиджа Лиги Компаний»

– А какое это имеет отношение к нашему случаю? – удивился рыжий Аркадий.

– Прямое... – все так же не спеша пояснил Капитан. – Согласно Уставу, я не имею морального права заявлять, что в ряды сотрудников нашей прелестной Лиги пробрался безответственный опоздун.

– Кто-кто? – опешил Аркадий.

– Ну, опоздун. Любитель опаздывать. Хотя в данном конкретном случае я ответственно заявляю, что Тёма не опоздун, а заседун. Он пришел на работу полчаса назад, но перед самой планеркой его скрутило – теперь заседает в отдельном кабинете. Ну, случилась у человека авария. Понимать надо.

– Но Устав... – начал, было, Аркадий, но Капитан веско отрубил:

– Пункт шестнадцатый. «Отсутствие сотрудника на ежеутреннем планерном совещании может быть оправдано исполнением поручений руководства, связанных с длительной отлучкой из офиса, а так же его увольнением или болезнью».

– Что-то часто у него эти «болезни»! – ухватился за соломинку рыжий Аркадий.

– А питание неподходящее... – пожал плечами Капитан. – Он же студент! Грызет гранит науки. А это совсем не диетическая пища.

– Вы... подтверждаете факт болезни и берете ответственность на себя? – угрожающе осведомился старший менеджер. – И вы осведомлены о наказании за дезинформацию?

– Угмм... – кивнул Капитан. В его голубых глазах застыла непогрешимая честность.

В эту самую секунду Тёма Чемаков преодолел огромную стеклянную вертушку дверей Шпиля и ворвался в холл.

– Здорово, Сань! – на ходу крикнул он охраннику, – Отворяй калитку, горю!

Охранник понимающе ухмыльнулся и открыл турникет.

Тёма проскользил по мраморному полу и затормозил у лифта. Блестящие стальные двери бесшумно открылись. Внутри лифт был огромен и пуст. Зеркало во всю стену отразило незадачливого менеджера с головы до пят. Серый костюм, белая рубашка, оранжево-серый галстук, очки в узкой золотистой оправе. Все как положено, только возле приглаженной челки торчит вверх непослушный вихор светлых волос. Тёма досадливо примял его рукой.

В кармане пиджака пискнул телефон. СМС с номера «Капитан». Вместо текста всего лишь одна цифра – единичка.

Тёма широко улыбнулся. Цифра «один» означала примерно следующее: «Аркаша опять блажил на твой счет. События разворачиваются по первому варианту: если что, ты опять всю планерку просидел на горшке». Чемаков облегченно вздохнул и про себя поблагодарил Капитана.

Лифт остановился на двенадцатом этаже. Двери бесшумно открылись. Длинный коридор, стеклянные стены. За стеклом как на ладони видны офисные соты, в которых копошатся, начиная рабочий день, офисные пчелы. Гербы, гербы, гербы. Они везде: на дверях, флажках, наклейках. Перекрещенные серым, оранжевые круги. Чем-то неуловимо смахивают на значок «Радиация». В конце коридора – герб Лиги во всю стену. В таком виде его можно рассмотреть получше – на самом деле это огромная золотая монета и грозный серебристый меч, поднятый перед нею. Внизу – витиеватая надпись: «Конкурентов – отбить! Партнеров – привлечь!» Это девиз Лиги Компаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.